

ВСЕВОЛОД ФЕДОРОВИЧ МИЛЛЕР И АРХЕОЛОГИЯ

А. А. ТУАЛЛАГОВ,
доктор исторических наук, зав. отделом археологии
СОИГСИ им. В.И. Абаева

*Историческая наука — это наука комплексная,
основанная на всех достижениях истории,
археологии, лингвистики, этнографии,
и только недалекие люди могут думать о приоритете
какой-либо из этих исторических дисциплин.*

Б. Д. Граков, М. Н. Тихомиров

Большой удачей на заре осетиноведения было привлечение к его становлению Всеволода Федоровича Миллера (07.04.1848-05.11.1913), чей личный талант и научные интересы были весьма многогранны, что счастливо совпало с многосторонностью данного научного направления, внесшего заметный вклад в мировую науку. О широте же таланта исследователя свидетельствует и тот факт, что осетиноведение стало лишь составной частью его научной биографии. Императорским Московским археологическим обществом, в деятельности которого активнейшее участие принимал В.Ф. Миллер, была дана вполне справедливая оценка его таланту: «Ученая деятельность В.Ф. Миллера отличалась поразительной разносторонностью: помимо чисто лингвистических работ, которые важны и для историка и для археолога, так как по поводу тех или других сделанных им лингвистических наблюдений В. Ф. очень часто делал выводы по истории и быту дан-

ного народа...» [1]. Показательно, что и через многие годы уже современные специалисты столь же высоко оценивали талант В. Ф. Миллера.

Выдающийся исследователь-лингвист В. И. Абаев отмечал: «Не каждый историк бывает археологом. Еще меньше можно требовать этого от лингвиста. В Миллере, как позднее в Марре, сочетание филолога, историка и археолога было органичным и в высшей степени «убедительным». Оно как нельзя лучше отвечало широте их научной индивидуальности, комплексному характеру поставленных ими задач. Полное познание народа и его культуры невозможно путем изучения только исторических о нем свидетельств. Материальные памятники прошлого, сохранившиеся на земле или скрытые под землей, составляют необходимый элемент для построения культурной истории народа» [2].

Один из крупнейших отечественных исследователей-этнологов Б.А. Ка-

лос писал: «Будучи сторонником привлечения при этнографическом исследовании данных смежных дисциплин, Миллер особенно большое значение придавал археологии как науке, раскрывающей многие стороны истории народов, их культуры и быта в далеком прошлом» [3].

Известный археолог-кавказовед В.А. Кузнецов также признавал: «Стремясь к глубокому и всестороннему познанию и изучению кавказских народов, и в первую очередь осетин, В.Ф. Миллер, при его широте научных интересов, естественно, не мог пройти мимо, развивавшейся на его глазах, кавказской археологии... мы видим, что на протяжении всего этого пути Миллер-археолог был одновременно превосходным лингвистом, филологом, историком, этнографом. Стоит ли говорить, насколько удачно было это сочетание» [4].

Следует отметить, что применявшийся на практике В.Ф. Миллером комплексный подход в решении поставленных перед собой задач и сегодня является наиболее перспективным. Замечательно, что в современной археологии наибольшего успеха добиваются те исследователи, которые применяют комплексный подход к источникам. Здесь, в первую очередь, речь идет о соединении с данными археологии данных письменных источников, этнологии, лингвистики, фольклористики и т. д., что практически всегда применялось и применяется в тех ее отраслях, с которыми в той или иной степени связано осетиноведение (скифология, сарматология, аланистика).

Следует иметь в виду, что в российской науке XIX — начала XX вв. «археология» воспринималась достаточно

широко, выступая, чаще всего, как комплекс дисциплин, исследующих не только предметы «древнего быта», но и письменные, эпиграфические, нумизматические и прочие источники [5]. Само становление этого научного направления в России прошло к тому времени свой сложный и оригинальный путь [6]. В 1859 г. была создана Археологическая комиссия при Кабинете Его Величества, члены которой определяли развиваемое научное направление как «исследующее памятники путем раскопок».

Обращение В.Ф. Миллера к археологическим исследованиям, в первую очередь на Северном Кавказе, совпадает с периодом активного пробуждения интереса к древностям данного региона, которое изначально стимулировалось деятельностью созданного в 1864 г. Императорского Московского археологического общества. Основателем Общества являлся граф А.С. Уваров. После его смерти дело было продолжено его супругой графиней П.С. Уваровой. В то время возникает насущная необходимость объединения усилий археологов с целью их непосредственного научного взаимодействия.

На Северном Кавказе стали проводиться активные, хотя порой и подвижнические, разведочные работы и раскопки, сборы материалов у местных жителей, прежде всего, отечественными специалистами, а затем и их зарубежными коллегами (В.Б. Антонович, Г.Д. Филимонов, А.С. Уваров, П.С. Уварова, А.П. Берже, В.Б. Пфаф, Н.Г. Керцелли, В.Л. Беренштам, Ф. Байерн, Ф. Хегер, Р. Вирхов, Э. Шантр). Свои первые результаты принесли и начавшиеся тогда археологические рас-

копки на территории современной Северной Осетии [7]. Интенсивные археологические исследования 1876-1880 гг. были, кроме того, связаны с подготовкой и проведением в 1881 г. V Археологического съезда в Тифлисе (8-21 сентября), сыгравшего выдающуюся роль в развитии археологической науки в нашей стране.

В 1878 г. в Москве и Тифлисе были созданы Подготовительные Комитеты для проведения Съезда, которые затем слились в один. Особое значение для привлечения внимания к археологическим древностям Северного Кавказа стало открытие в 1869 г. возле с. Верхний Кобан могильника, давшего название теперь всемирно известной кобанской культуре, хотя первые разрозненные предметы данной культуры были впервые найдены на территориях современных Кабардино-Балкарии, Чечни и возле с. Казбеги. Первые предметы с могильника были собраны Хабошем Кануковым, а затем переданы в Кавказский музей в Тифлисе. С данной коллекцией ознакомился Г.Д. Филимонов, посетивший Кавказ в 1877 г. в связи с подготовкой Антропологической выставки в Москве. Впоследствии Г.Д. Филимонов непосредственно сам приступил к планомерным раскопкам Кобанского могильника. Предметы же, собранные Х. Кануковым, были представлены вниманию участников V Археологического съезда. В результате вскоре на Кавказ стали прибывать представители практически всех крупных зарубежных музеев в поисках кобанских древностей.

Графиня П.С. Уварова привлекла к работе Подготовительного комитета, а впоследствии к участию в Съездах и в Обществе, и Всеволода Федоро-

вича Миллера, который затем возглавил и Восточную комиссию этого Общества. Интересно, что на четвертом заседании Подготовительного съезда 12 апреля 1879 г. В.Ф. Миллер в своем выступлении обратил внимание на важность антропологических и краниологических исследований на Кавказе, особо выделяя в данном вопросе роль осетин [8].

Остается только удивляться столь прозорливому пониманию научной перспективы и несомненному научному чутью исследователя. Во многом на основании именно антропологических исследований создавались гипотезы, например, о происхождении осетин. Но, как сегодня выясняется, именно некачественное использование антропологических материалов привело к заметным ошибкам в решении данного вопроса, которые только в последнее время стали исправляться. Впоследствии деятельность Археологических съездов привела не только к созданию местных археологических обществ, но и к смычке в деятельности Археологических съездов и местных археологических обществ с деятельностью Антропологической выставки, к взаимодействию развитию отечественных археологической и антропологической наук.

В.Ф. Миллер уже в свою первую двухнедельную поездку в горы Осетии летом 1880 г. (его первое посещение Осетии состоялось летом 1879 г.), имевшей главной целью сбор лингвистических и этнографических материалов, уделил некоторое внимание и археологическим памятникам. Так, он отмечает известный могильник у с. Камунта, кратко сопоставляя его с могильниками у сс. Кобан и Казбеги.

Большое внимание было им уделено осетинским надмогильным памятникам, отмечена крепость напротив с. Нузал, осмотрено святилище Реком. Весьма оперативно собранные в поездке сведения были опубликованы [9]. В 1881 г. В.Ф. Миллер совершает свою очередную поездку в Осетию.

В том же году В.Ф. Миллер принимает активное участие в подготовке и проведении V Археологического съезда в Тифлисе. Он прибывает на Съезд из своей уже очередной поездки в Осетию, на котором выступает с несколькими сообщениями, а затем способствует тому, чтобы информация о результатах Съезда стала более широко известна российской общественности [10].

В 1883 г. Всеволод Миллер вновь совершает экспедицию на Кавказ, но теперь совместно с М.М. Ковалевским, которого он с самого начала своего председательства (1881 г.) привлекает к работе в президиуме с первых же заседаний Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, созданном в 1863 г.

Исследователи посещают Осетию, а затем соседние ущелья Баксана и Чегема. У с. Озоруково они исследуют могильник подземных каменных склепов, ведут небольшие исследования на могильниках у р. Кардан и на горе Донгат. В Гюлькарах они раскапывают курган. Возле слияния рр. Баксан и Гестенты ими отмечается еще один крупный могильник. Данная поездка открывает нам новые стороны уже человеческого таланта В. Ф. Миллера. Любой человек, который хотя бы раз принимал участие в работе археологической экспедиции, прекрасно понимает, что не только успех в этой тяжелой работе, но и просто

ее нормальный ход во многом зависят от той атмосферы, которая царит в экспедиции. Поэтому знаковым выглядит заявление М. М. Ковалевского, сделанное им спустя многие годы, что «лучшего товарища в путешествии нельзя было пожелать». Максим Максимович, вспоминая тяжелые условия в их предпринятом совместном путешествии, отдавал дань уважения выносливости и непритязательности В.Ф. Миллера [11]. Коллегам был представлен и реферат под названием «Археологическая экскурсия, предпринятая совместно с проф. М.М. Ковалевским в горские общества Кабарды» [12].

В 1886 г. В.Ф. Миллер ведет раскопки могильника в окрестностях Алушты в Крыму, где исследует погребения в каменных ящиках. Изученные материалы позволяют ему связать могильник с готами, которые соседнили с аланами. В октябре 1886 г. зачитывает свой реферат «Раскопки в Алуште» на заседании Московского археологического общества, а затем там же делает сообщение о старинной церкви с. Демирджи. Было принято решение передать реферат в Редакционный комитет [13]. Впоследствии материалы его исследования были полностью опубликованы [14].

Летом того же года он возглавляет экспедицию на Кавказ, что само по себе свидетельствует об огромном энтузиазме исследователя и его неиссякаемой трудоспособности. Как отмечали его коллеги: «Когда Общество предприняло археологическое исследование Кавказа, В.Ф. Миллер первый принял в этом предприятии горячее участие...» [15]. Экспедиция В.Ф. Миллера состояла из трех этапов. Первый этап проходил в горной Чечне, которая была наименее археологически изучена на Кавказе в то время. Основной задачей было вы-

явление следов древнего христианства. Здесь им исследуются церкви Тхаба-Ерды, Алби-Ерд, Гали-Ерды, Мизр-богу, каменный крест у аула Нихалой, памятные столбы у аулов Джерах, Воуг, Нюй. Проводятся небольшие исследования могильников возле Тхаба-Ерды и аула Мохде, отмечаются склеповые погребения возле Койраха и Джераха, Воуга, а также каменные башни от Шатоя до Джераха. Для склепов и башен предлагается соответствующая классификация. Как справедливо отмечали впоследствии его коллеги, В.Ф. Миллер фактически произвел «первую серьезную попытку систематического изучения древностей Чечни» [16]. В Осетии обследуются церковь и два могильника с погребениями в каменных ящиках и пещерах у с. Дзивгис, дзуары у сс. Барзикау, Лац, Гули, а также каменные ящики и сводчатые подземные склепы у с. Лац, каменные ящики у с. Горная Саниба. Экспедиция, но уже без непосредственного участия В.Ф. Миллера, была продолжена в ущелье р. Черек-Балкарский в Балкарии под руководством З.П. Тулинцева и Н.Н. Харузина (на тот момент студент), с последним В.Ф. Миллер познакомился через М.М. Ковалевского, а впоследствии очень тесно с ним сотрудничал.

31 октября того же года В.Ф. Миллер представил на заседание Императорского Московского археологического общества «Доклад об археологических исследованиях в Чечне», по результатам которого ему была вынесена благодарность, а отчет с рисунками передан в Предварительный комитет VII Археологического съезда [17]. О большом интересе к проведенной исследователем работе свидетельствует не только само принятое решение, но и

тот факт, что впоследствии выход его реферата «Отчет о поездке в Чечню», как и рефератов «Отчет по исследованиям, произведенным в 1886 году» и «О важности антропологических и краниологических исследований на Кавказе» особо отмечались при подведении результатов деятельности Общества [18]. Третьего февраля следующего года В.Ф. Миллер выступает с докладом «Археологические исследования в Осетии», на котором были представлены и добытые им материалы [19]. Окончательным итогом кавказской экспедиции стала обобщающая публикация материалов [20].

Конечно, сегодня, с высоты прошедших лет и на основании современных научных данных, мы можем отметить ошибки, которые допустил В.Ф. Миллер при анализе добытых им материалов [21]. Но нельзя забывать о том, что мы имеем дело с периодом становления кавказской археологии, а научный поиск и в наши дни не гарантирует любого исследователя от различных неудач. Мне бы хотелось обратить внимание на другую сторону научной деятельности В.Ф. Миллера, а точнее, на его подходы в вопросе введения в научный оборот собственных исследований. В данном случае показательно, что, прежде чем ознакомить широкие научные круги с результатами своих полевых исследований, он представляет их отдельными частями в виде научных докладов и рефератов на заседания Императорского Московского археологического общества. Современные исследователи называют такую работу «научной апробацией» и справедливо рассматривают ее как необходимый этап в верификации собственных исследований.

О том, что именно такой подход принципиально использовался В.Ф. Миллером, свидетельствует и следующее наблюдение. В протоколе заседаний Императорского Московского археологического общества от 16 мая 1889 г. кратко упоминается о предоставлении В.Ф. Миллером рисунков Д.М. Струкова. В другом протоколе отмечается его доклад «О некоторых кавказских могильных плитах, хранящихся в Историческом музее» [22]. Несомненно, мы имеем дело с разработкой исследователем двух научных тем, которые получили большую известность среди кавказоведов после публикации Всеволодом Федоровичем двух статей в 1893 г., т. е. спустя 4 года [23].

Одна из них была посвящена расшифровке надписи на знаменитой, но, к сожалению, утерянной Зеленчукской надписи, с которой В.Ф. Миллер познакомился по предоставленной ему зарисовке Д.М. Струкова, побывавшего в 1888 г. в Кубанской области. Затем В.Ф. Миллер получил оттиск с надписи от Г.И. Куликовского, последним из всех видевшего воочию памятник в 1892 г.

Благодаря предпринятому исследователем изучению осетинского языка ему удалось не только прочесть данную надпись, но и тем самым привести дополнительные доказательства в пользу языковой преемственности осетин со средневековыми аланами, на конкретном факте подтвердить расселение алан на территории современной Карачаево-Черкессии и их приобщение к христианской религии. Во второй статье В.Ф. Миллер исследовал загадочные до этого для специалистов изображения на известной теперь средневековой статуе Дука-Бек, а также статую у

с. Эльхотово и надпись, обнаруженную на берегу р. Камбилеевка.

Многие путешественники и исследователи Кавказа уже были знакомы с ними (Г.Д. Филанович публиковал их рисунки в одной из своих статей, а сами статуи находились в фондах Императорского Российского исторического музея). Но определить их научную ценность смог только В. Ф. Миллер: только он обладал блестящими знаниями в области осетинского языка, фольклористики, сочетавшимися с большими познаниями в эпиграфике и истории.

Обращение исследователя к прочтению надписей на археологических памятниках на основании данных осетинского языка и этнографии дало прекрасные результаты, явив практическое доказательство междисциплинарного подхода в изучении древностей. В 1891 г. выходит его статья «О сарматском боге Уатафарне», посвященная краткой надписи на золотом амулете, найденном на Кубани. С данной находкой В.Ф. Миллер познакомился через публикацию исследователей, а затем через дополнительную информацию, любезно предоставленную ими. В результате научный мир вновь получил дополнительный аргумент в пользу ираноязычия сарматов Северного Кавказа, а также языковой и духовной преемственности их с осетинами [24].

Исследователь внес заметный вклад и в изучение древних иранских имен, зафиксированных в надписях Северного Причерноморья и давших в руки исследователей, высоко оценивших его труд [25], новые материалы по истории сарматов и алан [26].

Деятельность В.Ф. Миллера в Императорском Московском археологическом

ком обществе была чрезвычайно насыщенной и продуктивной. Он не только участвовал в обсуждении текущих проблем и вопросов, различных проектов, докладов своих коллег, но лично представил 50 докладов по различной тематике. Интересно, что данные доклады из области археологии касались не только его собственных исследований. Нередко выступления В.Ф. Миллера раскрывают перед нами примеры его тесного научного сотрудничества с другими исследователями, его стремления всемерно способствовать развитию археологии, искренней помощи всем, заинтересованным в данном деле.

Так, на заседании Общества 21 ноября 1886 г. он информирует его участников «О раскопках В. Л. Тимофеева близ Джераховского поста на Кавказе», представляет предметы, пожертвованные сотником 2-го Сунженского полка во Владикавказе Василием Леонтьевичем Тимофеевым Императорскому Московскому археологическому обществу, и передает просьбу того об официальном разрешении от Общества на производство раскопок. В результате В. Л. Тимофееву было предоставлено такое разрешение сроком на 1 год, а также выслана инструкция, которой он должен был руководствоваться при проведении раскопок [25]. На этом же заседании В.Ф. Миллер передал в Общество 2 каменных топора, найденных Николаем Васильевичем Кириловым на р. Шалушка близ Налъчика [26].

Данные сведения примечательны еще и тем, что мы отмечали ранее необычайную трудоспособность В.Ф. Миллера, проявившуюся, например, в проведении сразу двух археологических экспедиций в 1886 г.

Но теперь знаем и о том, что в ходе второй, кавказской, экспедиции, он

находил и время, и желание сотрудничать с местными исследователями-энтузиастами, вовлекать их из индивидуальной полевой деятельности в научное исследование. Тем самым ученый давал таким людям важную уверенность их участию в сугубо научной деятельности, с другой стороны, сохранял для отечественной науки бесценные археологические материалы, что особенно важно и в прошлом, и в настоящем, учитывая известные хищнические примеры «черной археологии». Собственно, и сам личный пример В. Ф. Миллера показывает его бережное отношение к добытым археологическим материалам. Так, те же материалы его кавказской экспедиции 1886 г. были оперативно переданы им в фонды Императорского Российского исторического музея [27].

В целом, с того периода наблюдается заметное увеличение интереса к археологическому изучению и собственно территории Осетии. Здесь проводят свои исследования Г.Д. Филимонов, И.Г. Керцелли, В.Г. Антонович, К.И. Ольшевский, Г.С. Хатисян, Д.Я. Самоквасов, Ф. Хегер, В.И. Долбежев, В.Л. Тимофеев, А.А. Бобринский, Ф.С. Панкратов, А.А. Драницын. Свои исследования проводят Ф.С. Байерн, Р. Вирхов, А.П. Берже, Э. Шантр, В.Б. Пфаф, Мурье и др. В 1893 г. в г. Владикавказ основывается естественно-исторический музей, сотрудники которого ведут, в том числе, и археологические исследования.

Следует, видимо, напомнить о сложившейся обстановке в деле археологического изучения Северного Кавказа непосредственно после V Археологического съезда и о которой кратко упоминалось выше. Знакомство на Съезде широкой научной обществен-

ности с материалами кобанской культуры, в первую очередь, из сборов Х. Канукова, сразу вызвало приезд на Кавказ многих представителей ведущих мировых музеев с целью их приобретения. Их стремления во многом совпали и с интересами некоторых местных жителей (Х. Кануков, Б. Дзихов, И. Урусбиев и др.), превративших собственные грабительские раскопки в доходный бизнес. Благодаря деятельности зарубежных эмиссаров были созданы первые крупные коллекции кобанских бронз в Берлинском историческом музее, Венском музее естественной истории, Будапештском, Лионском, Сен-Жерменском музеях (сегодня кобанские коллекции имеются в Австрии, Англии, Венгрии, Германии, Грузии, США, Франции). Конечно, с одной стороны этот процесс обогащал мировую науку и музеи, но, с другой стороны, отрывал от отечественных исследователей бесценные материалы для исследования. А как показала история, именно отечественная школа кобановедения не имеет себе равных в мире. На этом фоне сегодняшнее состояние части таких коллекций, например, Сен-Жерменского музея, которая хранится преимущественно в фондах, не имеет надлежащего описания, а соответственно, не введена в научный оборот, подтверждает абсолютную верность в данной части деятельности В.Ф. Миллера.

Стремление В.Ф. Миллера сохранить для отечественной науки археологические материалы, донести информацию о них российскому научному сообществу, вероятно, диктовало различные методы такой деятельности. Так, еще 2 октября 1882 г. на заседании Общества он знакомит его членов

с фотографиями двух монет, найденных в ауле Урусбиевском [28].

В.Ф. Миллер брал на себя и труд продвижения в научной среде результатов исследования своих коллег. Так, на заседании Общества 21 апреля 1901 г. он зачитывает два реферата Н.И. Пантусова из г. Джаркента «Курган Ак-Таш» и «Кегеньский Арасан» [29]. Еще один замечательный пример научной деятельности В. Ф. Миллера был представлен на очередном заседании Общества. Им был сделан доклад об осетинском святилище Реком по итогам его поездки в Осетию. Во время выступления в дар Обществу были переданы предметы, обнаруженные его сыном Борисом Всеволодовичем (будущий известный советский востоковед) в ходе проведенных им небольших раскопок на объекте. Решением Общества была «принесена искренняя признательность» В.Ф. Миллеру за сообщение, а Б. В. Миллеру — за дар [30].

Жизнь дает нам многие примеры того, как в семьях талантливых, творческих, работоспособных родителей вырастают совсем другие дети. Но В.Ф. Миллер явил собою образец взаимопонимания и счастливого воспитания своих детей в духе того научного сообщества, ярким представителем которого он сам и являлся. Закладывался же этот дух, видимо, с самой ранней поры, когда В. Ф. Миллер, будучи не согласным с методикой преподавания в школе, сам проходил с сыновьями некоторые школьные предметы [31]. Высокий научный авторитет, которым заслуженно пользовался и пользуется Всеволод Федорович Миллер, бесспорно, имел в своем основании и прекрасные семейные традиции.

Активная и напряженная деятельность В.Ф. Миллера в Императорском

Московском археологическом обществе, как мы видим, была весьма многоплановой. Кроме того, даже члены Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, вслед за своим председателем В.Ф. Миллером, стали принимать активное участие в Археологических съездах, в работах Императорского Московского археологического общества и его комиссий (Восточной, Славянской, Комиссии по сохранению древних памятников). С 90-х гг. XIX века на Археологических съездах уже создаются специальные секции по антропологии и этнографии [32].

Выше уже упоминалось о деятельном участии исследователя в подготовке и проведении знаменитого V Археологического съезда. Подобные Съезды имели важное значение для развития всей археологической науки. Вместе с тем подготовка и проведение таких научных форумов отнимали много сил и времени у членов Общества. Поэтому вполне объективным фактором признавалось сокращение собственно археологических экспедиций в преддверии их проведения. На таком фоне показательно отмечаемое членами Общества для периода подготовки очередного Съезда сокращение количества экспедиций, с выделением тех его участников, которые все же сумели продолжить свои полевые исследования. Среди них фигурирует и В. Ф. Миллер, который исследует памятники в с. Троицком-Кайнарджи Московского уезда, а затем традиционно для всех представляет на заседание Общества доклад о результатах проведенной экспедиции [33].

Уже из приведенных материалов достаточно хорошо видно, как В.Ф. Мил-

лер внимательно относился не только к продвижению собственных научных проектов, но и заинтересованно следил за новыми открытиями и успехами своих коллег. Например, он один из первых откликнулся с очень благожелательной рецензией на обширный археологический труд графини П.С. Уваровой [34], к которому до сих пор обращаются и современные археологи.

Научное наследие Всеволода Федоровича Миллера, действительно, необычайно обширно и значимо для любого исследователя, обращающегося к истории Кавказа. Нам же, конечно, особо следует выделить в этом наследии тот его вклад, который он внес в становление и развитие научного направления, которое сегодня мы обозначаем как «осетиноведение». Конечно, какие-то из предложенных решений ученого со временем были скорректированы и, возможно, будут корректироваться. На то и существует поступательное движение исторической науки. Но вряд ли стоит упрекать Всеволода Федоровича в его приверженности буржуазным, реакционным взглядам на фоне советских идеологических установок [35], которые сами теперь уже остались в прошлом. Такая критика, с учетом произошедших изменений в нашем обществе, лишней раз доказывает, что в науке вообще нет места политическим и идеологическим установкам.

Сама жизнь и научное творчество В.Ф. Миллера свидетельствуют о его искреннем, честном служении делу науки, при котором подобные проблемы и не возникают на пути настоящего исследователя. Вспоминаются и слова самого В.Ф. Миллера: «Если многое окажется неверным в глазах компе-

тентной критики, если многое будет исправляемо и дополняемо впоследствии самим автором по мере изучения новых данных, все же ему служит утешением сознание, что он идет путем самостоятельным, и что его могут винить лишь за его собственные ошибки, а не за некритическое повторение чужих авторитетных мыслей».

Служение науке всегда требует очень терпимого и благожелательного отношения в самой научной среде. Оно открывает достойные перспективы не только для развития научной мысли, но и определяет создание взаимоуважительной, а следовательно, творческой и по-человечески теплой атмосферы внутри научного сообщества, в том числе между различными поколениями исследователей, что, в свою очередь, всемерно содействует активному и поступательному движению научного познания. Как показывает практика, чем глубже и шире научные познания ученого, тем благожелательней его отношение к своим коллегам и оппонентам. Показательным в данном случае является очень терпимое и доброе отношение В.Ф. Миллера к своему ученику А.В. Маркову, который отличался именно резкой непримиримостью в вопросах научных концепций и идеологических убеждений. Оценивая с данной точки зрения деятельность В.Ф. Миллера, его коллеги отмечали, что «... отсюда его широкая научная терпимость, столь необходимая для руководителя сменяющихся поколений, отсюда не прерывающийся до конца жизни живой, радостный научный контакт с ученой молодежью».

Следует полагать, что В. Ф. Миллер был одним из тех участников станов-

ления и развития отечественной археологической школы, создания той свободной, творческой и благожелательной атмосферы в археологическом сообществе, которые были высоко и справедливо оценены его коллегами: «Организованные Московским археологическим обществом съезды — это [была] тоже форма объединения ученых России и притом, несмотря на графский титул Уварова, не чиновничья, не бюрократическая и не аристократическая форма. Достаточно заглянуть в любой отчет любого съезда, чтобы увидеть свободную ассоциацию людей всяких званий и знаний. Ученые жрецы не сразу привыкли к этому «провинциальному жаргону» науки, но привыкли, потому что здесь был слышен голос науки на всю Россию» [36].

Показательна в данном случае оценка деятельности графа А.С. Уварова самим В.Ф. Миллером. Она, по всей вероятности, определяет и его собственные жизненные и научные установки: «...почему все, чем он руководил, устраивалось как-то скоро, дружно, просто и всякая цель достигалась легко... и всякий разлад, к сожалению, часто препятствующий у нас общественным предприятиям, устраивался сам собой?..

Он привлекал к себе тем научным увлечением, которое всегда красной нитью проходило в его беседах, той широтой образования, которая позволяла ему интересоваться предметами, по-видимому, лежащими в стороне от его специальности, той опытностью хорошего мастера, который сам умеет работать и других учит работе... обладал способностями и стремлением к общественной деятельности в отличие от ученых «исключительно кабинетных» [37].

1. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864-1914 гг.). М., 1915. Т. II. С. 229.
2. *Абаев В. И.* Всеволод Миллер как осетиновед. К столетию со дня рождения (1848-1948) // ИЮОНИИ. 1948. Вып. VI. С. 26.
3. *Калоев Б. А. В. Ф.* Миллер как этнограф осетинского народа // Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 354.
4. *Кузнецов В. А.* Академик В. Ф. Миллер как археолог-кавказовед // Сборник трудов Института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе, 1976. Т. XXXI (История), с. 174, 182.
5. *Формозов А. А.* История термина «археология» // Вопросы истории. М., 1975. № 8. С. 217.
6. *Ростовцев М. И.* Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 5. С. 25-27.
7. *Туаллагов А. А.* Археология и этнография Северной Осетии // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005. С. 168.
8. Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1880. Том VIII. С. 53.
9. *Миллер В. Ф.* В горах Осетии // Русская мысль. 1881. Кн. XI (переиздание: Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1998).
10. *Миллер В. Ф.* Пятый Археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1883. Кн. I.
11. *Ковалевский М. М.* Памяти Всеволода Федоровича Миллера // Этнографическое обозрение. М., 1913. № 3-4; *Миллер В. Ф., Ковалевский М. М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. СПб., 1884. Т. II; *Миллер В. Ф.* О поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1884-1885. Т. VIII. № 1; Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1885. Том десятый, прот. 216. С. 77.
12. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 40.
13. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1888. Том двенадцатый. Вып. II. С. 56-57.
14. *Миллер В. Ф.* Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. (с 2 табл. и 18 рис. в тексте) // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1888. Том двенадцатый. Вып. I, с. 118-138.
15. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864-1914 гг.). М., 1915. Т. II. С. 229.
16. *Семенов Л. П. В. И.* Долбежев как археолог-кавказовед // Известия Горского педагогического института. Владикавказ, 1930. Т. VIII. С. 206.
17. *Миллер В. Ф.* Доклад об археологических исследованиях в Чечне // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1888. Том двенадцатый. Вып. I, прот. 257. С. 61-62.
18. Историческая записка о деятельности Императорского Московского ар-

- хеологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890, с. 40.
19. Миллер В. Ф. Археологические исследования в Осетии // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1888. Том двенадцатый. Вып. I, прот. 265. С. 86-87.
20. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. I.
21. Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 179.
22. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1894. Том пятнадцатый. Вып. I, с. 10; прот. 331. С. 127.
23. Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа. М., 1895. Вып. III; Он же. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. III.
24. Миллер В. Ф. О сарматском боге Уатафарне // Древности Восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1891. Том первый. Вып. II.
25. Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 37.
26. Миллер В. Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1886. Октябрь. Ч. ССXLVII, с. 232-283; Он же. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1913. Вып. 47. С. 80-95.
27. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1888. Том двенадцатый. Вып. II, прот. 259. С. 63.
28. Там же, прот. 259. С. 64.
29. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1894. Том пятнадцатый. Вып. I, приложение 5 к прот. 359-360, с. 59.
30. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Том девятый. Вып. II и III, прот. 200. С. 61.
31. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1904. Том двадцатый. Вып. I, прот. 565. С. 27.
32. Там же, приложение II к прот. 566. С. 33-34.
33. Липец Р. С. К публикации рукописи В. В. Богданова (Жизненный путь В. Ф. Миллера) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. X, с. 118.
34. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1904. Том двадцатый. Вып. I. С. 4, 10.
35. Миллер В. Ф. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. Могильники Северного Кавказа. Графини Уваровой (с приложением карты, 134 таблиц и 316 цинкографий. М., 1900. стр. XII + 381 in Q-ta) // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1.
36. Кузнецов В. А. Указ. соч.
37. Богданов В. В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848-1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. X. С. 134.